

**СЛОВЕНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.
РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ПРОЧИТАННЫМ
(коллективная монография «Словенская литература XX века»
под ред. Н.Н. Стариковой. Москва: Индрик, 2014)**

В 2014 году в издательстве «Индрик» в серии «Литература XX века» вышла монография на русском языке «*Словенская литература XX века*» (ответственный редактор – доктор филологических наук, профессор Н.Н. Старикова). Научное издание было осуществлено совместными усилиями российских (Институт славяноведения РАН) и словенских (Научно-исследовательский центр Словенской АНИ) авторов. Со словенской стороны в исследовании приняли участие Томо Вирк, Яня Житник-Серафин, Криштоф Яцек Козак, Матевж Кос, Денис Пониж, Томаж Топоришич. С российской – Надежда Пилько, Виктор Сонькин, Надежда Старикова, Татьяна Чепелевская.

Монография, как и следует из названия, посвящена обзору и анализу словенской литературы XX столетия. Актуальность этого труда несомненна, так как, во-первых, малоизвестная широкому российскому читателю словенская литература чрезвычайно интересна, труды многих авторов (писателей и литературоведов) переведены на иностранные языки. Во-вторых, монография вносит свой вклад в изучение литературного процесса, подтверждая некоторые ранее сделанные выводы и привнося дополнительные элементы в пеструю картину развития национальных литератур. В-третьих, это уже вторая книга своеобразного цикла: первая – «Словенская литература от истоков до рубежа XIX–XX веков» – вышла в том же издательстве в 2010 г.

Писать рецензию на издание, снабженное четкими, объективными и безупречно структурированными введением и заключением, – весьма неблагодарное дело. Неизбежно попадаешь под влияние этих разделов. А потому моя работа – лишь заметки о том, что более всего

остановило внимание, показалось интересным или недостаточно представленным.

Итак, монография состоит из двух частей: «Литература первой половины XX в.» и «Литература второй половины XX в.». Анализ художественных произведений предваряет «Краткий очерк новейшей истории Словении» Н. Пилько, – на деле довольно объемный. Безусловно, монография в первую очередь рассчитана на специалистов, однако адресуется она и «всем, кому интересна литература Словении». И это не случайно. История маленькой страны, столько лет добивавшейся независимости, для современного российского читателя, воспитанного на исторической, детективной и фантастической прозе, по большому счету становится не менее интересной, чем современные исторические или детективные романы: она включает выстрелы из пистолета на заседании правительства, развитие партизанского движения (о котором российская аудитория может иметь некоторое представление по литературе о советских партизанах) и другие неожиданные авантюрные и драматичные события (Кириллина, Пилько, Чукина, 2011). Но то, что происходило тогда в Словении, на самом деле весьма и весьма не похоже на знакомые нам сюжеты. Дело здесь, очевидно, в разнице менталитетов (Shchukina, 2013: 798), общем уровне образования народа и других причинах. Читается очерк на одном дыхании, чему нисколько не мешает заметная искусственному взгляду нечеткость в интерпретации отдельных моментов. Например, о развитии периодики говорится: «Вскоре у домобранцев появляются свои печатные издания: “Словенско домобранство”, “Словенски вояк”, “Словенец”, “Словенски дом”...» (Словенская литература, 2014: 35), – в этом перечислительном ряду обращает на себя внимание название газеты «Словенец», выходявшей в Любляне с 1873 г. и бывшей долгое время органом католической церкви, что не совсем коррелирует с глаголом «появляются».

В первой части монографии пять глав, три из которых – «Литература межвоенного периода», «Поэзия», «Проза» – написаны Виктором Сонькиным. Здесь еще раз, уже с другой точки зрения, мы погружаемся в историю становления словенской художественной словесности. Автор позволяет нам увидеть противостояние

литературы экзистенциальной и клерикальной, напоминает, что идея экуменизма была воспринята словенскими клерикалами непосредственно через труды В.С. Соловьева и Н.А. Бердяева, – и при этом с иронией замечает, что «тщеславной мысли» о собственной мессианской роли соединительного звена «не избежал, кажется, ни один славянский народ» (там же: 60). Особо выделен интерес словенцев к философии С. Кьеркегора, а позже К. Ясперса, Р. Гвардини и М. Хайдеггера.

В главе, посвященной поэзии, мое внимание привлекли страницы о творчестве словенского поэта, умершего совсем молодым, в 22 года, но за отпущенное ему время многое сделавшего для словенской литературы. Речь идет о Сречко Косовеле. Его фигура кажется особенно заметной отнюдь не потому, что остальная словенская поэзия не стоит внимания. Она многолика и чрезвычайно увлекательна, – и подтверждение этой мысли можно найти в тексте монографии. Словенские поэты могут быть интересны и рациональному менеджеру любого звена, и мечтательной барышне, и революционеру, и рафинированному эстету, и современному мачо...

Творчество же Косовела поражает тем, что за столь короткое время он успел создать поистине шедевры, работая в разных направлениях и жанрах, раскрываясь с разных сторон и оставаясь при этом самим собой. Каждый раз молодой поэт искренне отдавался новому увлечению и углублялся в его истоки. В «Золотом челне» перед нами лирик, романтик: «Ветер, ветер, девушка, волоском поигрывает, целует тебя в шею и твой белый лоб. Ветер, ветер, девушка, между нами, милая, ветер, ветер, девушка, и двое мы – одно». В «Консе № 5» – авангардист, экспериментатор-конструктивист: «Навоз есть золото, а золото – навоз! Оба равны нулю. $0 = \infty$ ». В «Стихотворении №10» – судья современной ему (да и нам) цивилизации: «кхы-тхы-сты-сды – сдохни, человек!»¹. Представляется, что такое разнообразие стилей и направлений в творчестве одного поэта непременно должно быть отмечено специалистами, и не только термином «экспрессионизм» (как это сделано в монографии), хотя бы потому, что в нескольких работах исследователей его творчества фигурируют и другие

---

¹ Здесь и далее перевод мой.

обозначения. В числе таких трудов – большая монография, опубликованная Я. Вречко в 2010 г., которая в русском переводе называется «Конструктивизм и Косовел» (Вречко, 2014). При переводе этой работы на русский язык нам пришлось очень внимательно изучить материал, касающийся непосредственно творчества молодого поэта, а также произведений стихотворцев разных направлений, к которым он обращался. Это и импрессионизм, и экспрессионизм, и даже подражание дадаизму, и так называемый зенитизм (Л. Мицич) с элементами футуризма (Ф.Т. Маринетти), и, конечно, конструктивизм. Я. Вречко вполне убедительно доказал, что знакомство Косовела с документами группы ЛЦК («Литературный центр конструктивистов») было непосредственным, для этого поэт даже выучил русский язык, насколько это было необходимо для чтения письменных текстов. Представляется, что относя поэзию Косовела исключительно к экспрессионизму, автор главы обедняет представление не только о его творчестве, но и о жизни творческой интеллигенции Европы и России первой четверти XX века. Впрочем, о поэзии Сречко Косовела лучше всего сказал Франц Задравец: «Те, кто сравнивает его (Косовела) импрессионистические, экспрессионистические или конструктивистские поэмы со стилистическими идеалами или теоретической моделью, также представляющей лишь определенное количество идеостилей, должен, наконец, сдаться и признать, что импрессионизм, экспрессионизм или конструктивизм Косовела – это индивидуальное творение, что, следовательно, ни один из стилистических теоретических идеалов или моделей не покрывает его поэтических произведений» (Zadavec, 1986: 8). Потому и жаль, что наши современники определяют его творчество одним термином «импрессионизм».

Первая половина XX века, как отмечает В. Сонькин, не была богата прозаическими произведениями. Обзор прозы, приведенный им, интересен, добротен, так же как и сами произведения, о которых он пишет (и которые в основном имеют отношение к т.н. социалистическому реализму, за исключением романов Ивана Прегеля). Не будем останавливаться на них, тем более что следующая глава посвящена нарождающейся и развивающейся словенской драматургии.

Раздел «Драматургия» (автор К.Я. Козак, перевод Е. Шатько) раскрывает перед нами широкий спектр словенской драматургии, черпающей свое вдохновение в истории своей страны, ее традициях и фольклоре и не чужающейся новых веяний. В 1919 г. в Любляне появляется первый Национальный словенский театр. Потребность в национальной драматургии вызвала приток в литературу новых словенских авторов, разных по уровню, стилю и своим жанровым предпочтениям. Тут и экспрессионистская драма, и национальная историческая драма, и «коллективная» и реалистическая буржуазная драма, и, разумеется, сатирическая комедия. Следом за И. Цанкаром делают первые робкие шаги в литературе молодые драматурги, в первую очередь интересные для современного читателя модернисты: А. Новачан, М. Ярц, С. Грум и другие, – творчество которых автоматически определяется в монографии как экспрессионистическое. Хотя, возможно, обозначение это для них излишне узкое, частное.

Как правило, российские литературоведы рассматривают экспрессионизм в качестве одного из направлений модернизма². Иногда считают, что «в русской поэзии по сути дела вообще не было резкого, типичного для западной традиции выделения направлений» (Бирюков, 1994: 10), – замечание, конечно, интересное, хотя вряд ли мы с ним согласимся. В анализируемой сейчас работе речь идет о западной литературе. Однако если уж филологи, исследующие идиостиль конкретного автора, относят его творчество к тому или иному литературному направлению, – стоит ли этими выводами и наблюдениями пренебрегать, обращаясь к более обширному литературному материалу, в том числе зарубежному? Тем более что исследователи чаще всего опираются на сложившуюся «терминологическую традицию, интерпретирующую модернизм как широкое культурное движение, вбирающее в себя декаданс, символизм, различные авангардистские течения (экспрессионизм, сюрреализм, дадаизм, футуризм, абсурдизм и др.)» (Липовецкий, 1997: 10).

---

² См., к примеру (Бирюков, 1994: 10; Клиг, 2002: 10; Скоропанова, 2002: 59) и другие работы.

Очевидно, с высот литературоведческой науки позволительно подменить один термин другим, однако читателям без специального образования (а я уверена, что они есть, потому что книга чрезвычайно интересна: ее появление совпало с острым интересом к истории, в том числе к истории литературы!) разобраться во всех этих хитросплетениях нелегко. Тем более трудно сделать это в условиях «только что пережитого» этапа постмодернизма, о котором очень подробно рассуждают авторы во второй части монографии.

Особого внимания заслуживает раздел «Литература периода Второй мировой войны и первых послевоенных лет (1941–1950)» (автор – Т. Чепелевская). Это было время, когда уже в который раз словенский народ пытались лишить его собственного языка и литературы. «Закрылись все словенские школы, прекратили выходить печатные издания, последовательно уничтожались книги на словенском языке в публичных и личных библиотеках» (Словенская литература, 2014: 105). Словенцы уже были знакомы с таким отношением к себе. Вот как описывает Б. Пахор происходившее в Триесте после прихода к власти Б. Муссолини: «И это было только начало. Потому что потом этот мальчик стал виноватым, сам не зная, в чем согрешил, не понимая, что вся его вина в том, что он говорит на языке, на котором первый раз сказал маме, что любит ее, и начал познавать мир. Еще более страшно было то, что словенским людям поменяли их имена и фамилии, не только живым, но даже мертвым на их надгробьях» (Пахор, 2009: 21–22). Поэтому думается, что говорить о словенской художественной словесности этого времени можно очень осторожно, имея в виду, что она существовала в условиях больших ограничений: «литература военного времени представлена партизанской поэзией, прозой и драматургией; произведениями, создававшимися в лагерях и тюрьмах, в изгнании, творчеством писателей на освобожденной территории, проникнута духом национального и социального протеста» (Словенская литература, 2014: 108).

Известные нам по советским фильмам и литературе о войне фронтовые бригады, сформированные из артистов профессиональных театров, в Словении успешно заменяли партизанские театры, постепенно перешедшие от сборных концертов к постановке

одноактных пьес-скетчей, от классики к пьесам авторов-партизан, позже ставших известными словенскими драматургами. «Литература народного Сопротивления явилась не только важной составной частью культурной жизни народа, но и историческим документом своего времени» (там же: 109–110), – считает автор, и мы с ним солидарны.

Вторая часть монографии посвящена литературе послевоенной, т. е. произведениям второй половины XX в. Более половины этой части написано Н.Н. Стариковой: «Литература 1950–1960-х годов: Проза»; «Литература 1970–1980 гг.» («Проза», «Поэзия», «Драматургия»). Ею же переведено большинство других разделов, подготовленных словенскими авторами и вошедших в монографию.

Интересно, что становление литературы социалистической Югославии сопровождалось теми же процессами, что и в Советском Союзе. Так же, как в СССР, власти «заигрывали» с писателями, а потом отлучали их от литературы. Так, перевод на словенский в 1947 г. советской повести «В окопах Сталинграда» В. Некрасова вдохновил Э. Коцбека на создание правдивых новелл о войне «Страх и мужество». Книга вышла в начале 1950-х годов. И десять лет после этого Коцбек не имел возможности публиковать свои работы, т. к. в книге вопрос о моральной ответственности героя за свои поступки, «по какую бы сторону баррикад он ни сражался, разрешается с позиций христианского экзистенциализма» (там же: 138). Лишь спустя десять лет, проведенных в статусе почти диссидента, Э. Коцбек – талантливый поэт и прозаик – вновь получает возможность публиковаться.

Н.Н. Старикова отмечает: «Диктатура Тито, стремящегося как можно меньше походить на своего в недавнем прошлом “старшего брата”, оказалась во многом мягче сталинской, что <...> отразилось на самом статусе культуры и литературы. Уже в 1949 г. была признана автономность художественного творчества, что закрепило за словенской литературой некоторую эстетическую независимость и право на художественный эксперимент» (там же: 137). Однако это была независимость при ограничении автора в выборе и трактовке тем. Критиковать и вольно интерпретировать можно было лишь

события в СССР, но не югославскую действительность и политику партии.

Такое положение дел неизбежно приводит молодых авторов к духовному кризису, о чем талантливо повествует в одном из первых модернистских романов, вступивших в полемику с системой социалистических ценностей, Д. Смоле. Его книга называлась «Черные дни и белый день» (1957). Примерно в это же время начинает писать Р. Шелиго, творчество которого очень высоко оценила критика, увидев в его модернистских произведениях «успешную попытку вернуть модернистской прозе живую пластичность <...> и экзистенциальный заряд» (там же: 154).

Во второй половине XX в. расцветает талант не только авторов, впервые вынесших свои произведения на суд читателей и зрителей во время войны. В это время начинают свой творческий путь писатели и поэты, родившиеся после войны, продолжающие традиции классиков – и ломающие их. Ключевым автором «радикального модернизма» Д. Пониж называет Т. Шаламуна, который позже, освоив художественные принципы постмодернизма, перейдет на его позиции.

Постмодернизм в словенской литературе становится одним из центральных направлений немного позже, чем в Западной Европе, где он был естественным порождением постиндустриального общества, тесно привязанным к постструктуралистской теории, и использовал весь арсенал массовой культуры. В Словении же его возникновение обуславливалось абсурдностью социалистической системы, идейным коллапсом тоталитарного общества. Постмодернизм дал возможность отнестись к неминуемым клише классиков литературы с иронией, а иногда и черным юмором. Впервые была подвергнута критике иерархия архетипических художественных ценностей. Впрочем, подобный процесс характеризует литературу этого этапа во всех странах, переживших коллапс социалистической системы.

Собственно, это всё, что хотелось обсудить по прочтении замечательно интересной книги о словенской литературе. Очевидно, следует сказать и о том, что несколько отвлекло от восприятия текста. Очарование коллективной монографии, как правило, нарушается не только неизбежно разными подходами к анализу художественного произведения. Немного усложняет чтение и

разнобой в подаче названий одних и тех же произведений и литературных журналов. Кто-то из авторов переводит названия на русский язык, кто-то словенские названия пишет кириллицей, кто-то латиницей. В коллективной монографии кажется достижимым и оправданным единообразие в написании наименований – при сохраняющемся разнообразии мнений и оценок.

Столетиями литературе на словенском языке словенцы отводили роль объединяющего начала, главной национальной ценности, если не национальной идеи. Сегодня Словения обрела независимость, и в такой национальной идее больше нет нужды. «Политические и экономические трансформации запустили механизм саморегуляции национальной литературной системы, движимой необходимостью приспособиться к новым условиям, “встроиться” в глобализированную западную культуру, что способствовало возникновению в стране новой литературной ситуации, развивающейся по законам рынка», – пишет Н.Н. Старикова (там же: 305). Сегодня словенский автор, как и во всем мире, не только должен нравиться читателю, редактору, издателю, но и приносить прибыль последнему. А издатель, видимо, чаще всего уверен, что думающий, образованный читатель вознесся на небеса, его больше нет. И новые умные и глубокие произведения нет нужды публиковать.

Совсем иные, чем в прошлом столетии, проблемы охватили современное сознание: не либерализация, а статус однополых браков, не государственность, а женский вопрос. Чем же ответят словенские писатели? Хотя это, пожалуй, уже разговор о литературе XXI столетия, который, хочется думать, Н.Н. Старикова продолжит в третьей – очень ожидаемой! – монографии о словенской литературе.

Ирина Н. Щукина

Литература:

- Бирюков, Сергей Е. 1994. *Зевгма: Русская поэзия от маньеризма до постмодернизма*. Москва: Наука.
- Вречко, Янез. 2014. *Конструктивизм и Косовел* / Пер. И. Щукина, Ж. Кнап. Москва: Рудомино.

- Кириллина, Любовь А. Пилько, Надежда С. Чуркина, Искра В. 2011. *История Словении*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Клинг, Олег А. 2002. *Цикличность авангарда в русской поэзии*. В: *XX век и русская литература. Alba Regina Philologiae. Сборник в честь 70-летия Г.А. Белой*. Москва: Изд-во Российского гос. гум. ун-та. С. 10-29.
- Липовецкий, Марк Н. 1997. *Русский постмодернизм*. (Очерки исторической поэтики). Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. пед. ун-та.
- Словенская литература XX века*. 2014. Отв. ред. Н.Н. Старикова. Москва: Индрик.
- Скоропанова, Ирина С. 2002. *Русская постмодернистская литература: Уч. пособие*. Москва: Флинта; Наука.
- Shchukina, Irina N. 2013. The Image of an Addressee in Translational Discourse (Exemplified by the Texts Translated From Slovenian Language). In: *Journal of Literature and Art Studies*. Vol. 3. Issue 12. С. 789-798.
- Zadravec, Franc. 1986. *Srečko Kosovel 1904-1926*. Ljubljana: LIPA in ZTT.
- Pahor, Boris. 2009. *Nekropola*. Ljubljana: Mladinska knjiga.